

— Добре, — усмехнулся дед. — Ну, я пйшов, щоб не спймали. Чекай.

На душе полегчало. Она глотнула спирта, закусила хлебом, а потом прилегла и запела. Голос у неё был сильный, разносился по всему двору, а если дверь в госпиталь открывалась, то был слышен и там. Когда-то Оля часто выступала на концертах вместе с армейским оркестром, пока войска стояли в обороне. Из-за голоса девушку знали многие.

— Прекратить пение, — услышала она голос охранника. — Приказ начальника.

— Никто не запретит петь невинному человеку, — крикнула Ольга. — Хочу и буду петь.

Она хлебнула ещё спирта и продолжала лихо распевать.

В это время во двор въехала машина главного врача, вернувшегося из командировки.

— Что это у вас за соловей в сарае? — спросил он у охранника, узнав Олин голос.

— Ольгу политрук Бойченко арестовал и собирается отдать под трибунал, — сообщил солдат.

Главврач подошёл к сараю:

— Эй, певица, что натворила? — весело спросил он.

— Ничего я не натворила! Просто спасала человека. Спросите у Вали, она всё расскажет, — ответила девушка.

— Хорошо, — пообещал главврач.

Вали выложила всё, как на духу: и про любовь, и про письмо, и как уговорила Олю ехать.

— Почему же вы не отпросились у начальства? — спросил главврач.

— Всё равно никто бы не разрешил, —

На этом всё и закончилось. Подругам вкатили по пять нарядов вне очереди, политруку поставили на вид за недостаточный контроль над документацией и соблюдением воинской дисциплины в госпитале.

Павла, подлечив, отправили в Москву. Ранение оказалось тяжёлым, и требовалась операция. Вали отнеслась к разлуке спокойнее, она верила в Пашину любовь. Победа была не за горами: наши войска вошли в Германию.

Месяца четыре письма от Паши приходили регулярно, а потом переписка прервалась. Напрасно подруга поджидала почтальона — вестей не было.

Вали молчала и тихо плакала, потом отправилась к начальнику госпиталя и вымолила отпуск по семейным обстоятельствам.

Отпуска давали только в самых крайних случаях, но ей дали.

Из Москвы Вали вернулась через две недели. Сначала Оля даже не узнала подругу. Это была не молодая девушка, а почерневшая лицом женщина с мёртвым взглядом.

— Вали, что с тобой? — испуганно воскликнула Оля. — Паша умер?!

— Нет, жив... Я не могу сейчас говорить, — прошептала подруга и, надев белый халат и шапочку, отправилась к раненым.

В первое время Ольга с

— Ну что ты, дорогая, всё пройдёт, поплачь, легче станет, — убеждала она, крепко обнимая подругу.

Вали рыдала долго и горько. Оля дала ей успокоительного, а когда рыдания утихли, заставила рассказать обо всём.

* * *

Павел перенёс несколько операций, но ногу выше колена пришлось всё же отнять. Медсестра Ляля, ухаживавшая за ним, достала ему хороший протез, выхаживала его, поддерживала в нём веру в скорое выздоровление. Выписываться из больницы было некуда: родители умерли, остался только старый дед, живший где-то в глухой деревушке. Ляля предложила пожить у неё. Павел согласился, да так и

* * *

Через месяц началась демобилизация. Сначала подруги решили вместе ехать в Киев, но за день до отъезда Вале пришло письмо от сестры из Полтавы. Та просила Валию приехать, так как тяжело заболела и боялась больше её не увидеть. Так Оля поехала в Киев, а Валия — в Полтаву.

В Киеве Ольга устроиться не смогла. Город был полностью разрушен — ни жилья, ни работы. Пришлось возвращаться домой, в Сибирь.

От Вали вестей долго не было. Только месяца через четыре Оля получила письмо, что после смерти сестры у Вали на руках осталось двое мальчишек-племянников, о которых она должна позаботиться.

«Видно, моя судьба — жить для других, — писала Валия. — Прощай, Оля! Будь счастлива. Вспоминай иногда меня и те суровые дни, которые нам довелось пережить вместе».

* * *

Мама часто плакала, заканчивая очередную историю, а я просила её рассказать ещё что-нибудь. Эти истории помогали мне узнать жизнь такой, какая она есть.

Шрамы

Хранят семейные скрижали
Родных святые имена.
Пусть дни боёв мы не застали —
И через нас прошла война!
Уходят в вечность ветераны,
И ноют шрамы тех побед...
Ещё я помню крики мамы
Ночами — долгих десять лет.
Ей снился бой под Сталинградом,
Вой истребителей в пике,
Гул разорвавшихся снарядов,
Кровь у солдата на виске.
Как строем на бомбардировку
Шли «юнкерсы» за рядом ряд,
Как мёртвый опускал винтовку,
А поднимал живой солдат.
«Ура! Вперёд!» — она кричала,
И в свете тлеющей свечи
Я крепко маму обнимала,
Просила: «Тише, не кричи.
Перевернись на бок, укройся.
Ведь стонешь ты всю ночь подряд».
«Ну ладно, дочка, успокойся;
Мне просто снился Сталинград,
Как я ползу на батареею,
Солдата в медсанбат ташу.
Прости, забыть те дни не смею,
Но, может, всё же — отпущу.
Пока живу, мне будет сниться
Мальчишки шёпот поутру:
"Ну, поцелуй меня, сестрица,
Ведь нецелованным умру!"
И как хрипел друтой солдатик:
"Сестра, цигарку прикури.
Кому без рук я нужен в хате?
А ждут жена и сына три".
Припомню всех — занеет сердце,
И снова здесь, со мной они.
Куда ж от памяти нам деться?...»
Мы не должны забыть те дни.

Их судьбы вверены Отчизне,
Исполнен долг перед страной.
За годы нашей мирной жизни
Заплачено большой ценой!
Нет судии на подвиг честный:
Войны жесток и страшен вид.
Но над могилой неизвестной
Пусть гордо памятник стоит!

взволнованно ответила Валия. — Я вот политруку объясняю, что это я всё затеяла, а он даже слушать не хочет. Говорит, ты её выгораживаешь.

Тогда Юлий Евгеньевич отправился к начальнику госпиталя, а тот вызвал политрука.

— Доложите, — сказал начальник, — как медсестры смогли самовольно покинуть госпиталь, имея на руках необходимые документы и задействовав транспорт госпитали? Вы ведь отвечаете за соблюдение устава и всю документацию?

Политрук не ожидал такого поворота и растерялся.

— Я готовлю документы для трибунала. Бойченко ответит за самовольные действия, — стал оправдываться политрук.

— С ума сошли?! Хотите, чтобы госпиталь прогремел на всю армию и потерял своё доброе имя?

Валией почти не разговаривали. Подруга скользила по палате как тень. Иногда ночью она подолгу задерживалась у шкафчика с медикаментами. Оля стала следить за ней. Однажды она заметила, как Валия отсыпала из баночки горсть снотворного и спрятала в своей тумбочке. Ольга, уловив минуту, достала таблетки и выбросила их.

Поздно ночью, не найдя снотворного, Валия посмотрела на подругу и всё поняла:

— Ольга, отдай! Я всё равно жить не буду! — сказала она.

— Ну как тебе не стыдно! — вскрикнула Оля. — Комсомолка, молодая девушка, а из-за этого подлоца хочешь покончить с собой! Ты же видела столько смертей, столько трагедий, страшней, чем измена...

— Не понимаешь?! У меня душа умерла! — кричала Валия.

остался. «Кому я нужен — инвалид», — думал он. А тут девушка хорошая, свой угол, да и работа подходящая подвернулась в артели.

И он женился.

Валию не забыл, горько плакал, увидев её, просил прощения, винил во всём войну. Он и Ляля звали её после войны к себе, обещали устроить в Москве...

Валия решительно отказалась. Наутро, собрав вещи, отправилась на вокзал.

Пока она была с Павлом, как-то держалась. Но села в вагон, поняла, что больше никогда его не увидит. В глазах потемнело, и она потеряла сознание. Целые сутки Валия была в забытьи, а когда очнулась, не могла понять, где находится.

— Очнулась, слава Богу! — перекрестилась сердобольная соседка по купе.

Душа Вали горела, жизни без Паши она не представляла.

Выслушав рассказ, Оля принялась утешать подругу, как могла, но чувствовала, что её слова падают в пустоту.

* * *

Очередной состав с ранеными уходил домой, на родину. Подруги следили за погрузкой, оформляли нужные документы. На какое-то мгновение Ольга потеряла Валию из виду. Когда погрузка закончилась и состав тронулся, она заметила, что та быстро идёт вдоль поезда, стараясь догнать тяжело пыхтящий паровоз. Страшная догадка пронзила Ольгу, и она кинулась вслед:

— Валия, стой! — кричала девушка. — Не делай этого!